

© 2015 г.

В.В. СОГРИН

ОСМЫСЛИВАЯ ПУТЬ В ПРОФЕССИИ

Повод для этой статьи – 70-летие автора. Есть потребность артикулировать путеводную нить исследовательской работы, которой отданы многие и многие годы. Порассуждать о смысле профессии. Кратко определяю его как максимальное приближение к исторической истине. С этим согласятся многие историки, и оригинального в такой формуле нет. Многие историки также добавят, что основанием достижения этой цели является максимальное привлечение и всесторонняя проработка источников. И вот тут-то возникает почва для серьезного размышления. Историков, добросовестно привлекающих источники, много, но выводы, к которым они приходят, различаются, часто радикально.

При этом противоборствующие стороны убеждены, что именно они проработали источники “по-научному” и именно им принадлежит историческая истина. Для автора статьи это обстоятельство является основанием поразмышлять о разнообразных факторах постижения исторической истины.

В начале несколько мыслей о добросовестном привлечении источников. К месту будет напомнить известное суждение о книгах: некоторые среди них нужно прочесть, другие следует читать и перечитывать, третьи вообще не заслуживают чтения. Соглашаясь с этим суждением, замечу, что для подобного, на мой взгляд, обоснованного отбора требуется высокая квалификация читателя. Но даже высококвалифицированные читатели разделят книги на три категории по-разному в зависимости от своих мировоззренческих предпочтений. Сделаю, пусть и во многом условное, сравнение с источниками. Историк на протяжении жизни может не один раз обращаться к одним и тем же источникам, меняя при этом взгляд на то, какие источники наиболее важны, какие менее значимы, а какие вообще могут быть опущены в выстраивании научной концепции. С повышением квалификации он неизменно извлекает из источников новые, прежде потаенные смыслы. Меняется и часто повышается качество его научной концепции. Но неизменно дифференциация и постижение смысла источника зависит от авторского мировоззрения, хотя многие историки в этом не готовы признаться, а то и искренне убеждены, что свободны от всяких идеологических воздействий. На мой же взгляд, мировоззренческий (он шире идеологического) фактор имеет первостепенное значение в “максимальном приближении к исторической истине”.

Для меня в мировоззренческом становлении и эволюции особое значение имели два epochальных события отечественной истории. Первое, во второй половине 1950-х годов, – хрущёвская “оттепель”. Второе, в конце 80-х – начале 90-х годов XX в., – горбачёвская перестройка. Первое событие связано с Н.С. Хрущёвым, фигурой противоречивой, вызывавшей разнообразные оценки в отечественной политической и исторической литературе. При этом даже те авторы, которые склонялись к позитивной оценке его деятельности, часто критически отзывались о нем как о личности. Он-де был человеком малообразованным, малокультурным, чрезмерно импульсивным. Для меня же эти

Согрин Владимир Викторович – доктор исторических наук, руководитель Центра североамериканских исследований, председатель Российской ассоциации историков-американистов.

качества Хрущёва отступают на второй план в сравнении с тем огромным позитивным вкладом, который он внес в самые разные, в том числе духовные сферы нашего бытия. Замечу, что после перехода Хрущёва на авторитарно волюнтаристские рельсы правления я стал относиться к нему критически и испытал удовлетворение и даже радость, когда его отстранили от должности в октябре 1964 г. Но я сохраняю искреннюю благодарность ему за то влияние, которая оказала на меня “оттепель” 50-х.

Я был поражен его антисталинскими откровениями, звучавшими все более радикально во второй половине 50-х. Сегодня его выступления могут показаться малограмотными и популистскими, но мне, челябинскому школьнику, росшему в простой рабочей и не вполне благополучной семье, они казались воплощением политической мудрости, смелости и человечности. Еще более важно в плане моего идейного становления то, что хрущёвская демократизация, по нынешним меркам скромная, приобрела стремительно силу мощной общественно-политической и культурной волны. Появились фильмы – “Баллада о солдате”, “Летят журавли”, “Чистое небо”, которые я по десятку раз смотрел в соседнем кинотеатре “Родина” и которые в буквальном смысле формировали мое мировидение. Такое же значение имела поэзия Е.А. Евтушенко и проза В.В. Аксёнова, а журналы “Юность” и “Новый мир” стали моими постоянными, читаемыми и перечитываемыми спутниками.

Поступив в 1962 г. на исторический факультет Московского государственного университета, я выбрал специализацию по кафедре новой и новейшей истории, что только упрочило мой мировоззренческий привязанности. На кафедре, безусловно, под влиянием хрущёвской оттепели и благодаря мудрости ее заведующего И.С. Галкина (в идейном отношении традиционалиста, но в кадровой политике ставившего на первое место профессионализм и талант ученого), формировалась блестящая плеяда историков – интеллектуалов, которых я позднее стал называть “советскими либералами”. Это созвездие – А.В. Адо, В.С. Бондарчук, И.В. Григорьева, И.П. Дементьев, Н.Е. Застенкер, Н.В. Сивачёв, В.П. Смирнов, А.И. Строганов, Е.Ф. Язьков – потеснили консерваторов-сталинистов, а в профессиональном отношении подняли изучение новой и новейшей истории стран Европы и Америки на такую высоту, которая и сегодня представляется историографическим Монбланом.

Все эти “советские либералы” были убежденными марксистами, они верили в историко-материалистический монизм, но в духе времени искали в качестве опоры “настоящий”, “истинный”, творческий марксизм, который по меркам той эпохи выглядел как противоположность сталинско-советскому подходу. Их влияние органично легло на уже имевшуюся во мне мировоззренческую основу, и ощутимо повлияло на выбор мною исследовательских тем американской истории, как и ракурса ее видения в целом.

Вслед за историками-американистами И.П. Дементьевым, Н.В. Сивачёвым и Е.Ф. Язьковым я отказался от взгляда на американскую цивилизацию как катящуюся в пропасть, не способную преодолеть или сглаживать противоречия, фатально присущие, капиталистической формации (но, как и они, я верил в то, что в конечном итоге социализм является более высокой ступенью). Мною двигало желание понять, как американскому капитализму удалось выжить и развиваться при наличии фатального противоречия между “общественным характером производства и частным способом присвоения”. Среди моих учителей наиболее целеустремленно ответ на этот вопрос искал Н.В. Сивачёв. Свидетельство тому – его фундаментальные труды о рузвельтовском Новом курсе и либеральном рабочем законодательстве США новейшего времени. Я же избрал объектом дипломной работы и кандидатской диссертации обновление на рубеже XIX–XX вв. главной американской идеологии – либерализма. Источников для изучения этой темы в московских библиотеках было предостаточно, и в 1970 г. я защитил кандидатскую диссертацию о формировании либерально-реформистской мысли в США 1880–1910-х годов¹. Позднее я стал именовать ее социальным либерализмом,

---

¹ Опубликована в качестве монографии: *Согрин В.В. Истоки современной буржуазной идеологии в США*. М., 1975.

который вытеснил с господствующей позиции классический либерализм, выступавший (окончательно с 1950-х годов) уже в качестве американского варианта консерватизма. Бесспорным для меня был тот вывод, что социальный либерализм, включивший в себя прагматические требования социализма, смягчил “фатальное” противоречие капитализма в интересах нижних социальных слоев, как и общества в целом.

Следующим моим исследовательским проектом стала идеология американского Просвещения. Не скрою, что двигал мною вопрос о “корнях”, способствовавших развитию позитивных сторон американской цивилизации. В 1970-е годы в наличии были в высшей степени благоприятные условия для изучения этой темы. Американцы в связи с празднованием в 1976 г. 200-летия своего государства активно издавали первоисточники по истории его возникновения, среди них превосходные многотомные собрания письменного наследия “отцов-основателей”. Все эти издания в большом количестве поступали в московские библиотеки, что, следует признать, было неотъемлемой частью пропагандистской кампании госдепа США. Для меня же, советского историка-американиста, такое пропагандистское усердие обернулось научным “даром”, которым я наслаждался в течение многих лет. Объективному научному изучению идеологии Американской революции, как окончательно была сформулирована мною тема исследования, благоприятствовало то, что основоположники марксизма чрезвычайно высоко оценивали как буржуазное Просвещение (не забывая, конечно, называть его “идеализированным царством буржуазии”), так и Американскую революцию, которую они, с точки зрения ее воздействия на сокрушение феодализма в Европе, на мой взгляд, даже несколько переоценивали.

Источников для изучения идеологии Американской революции в московских библиотеках оказалось так много, что я, ознакомившись с исследованиями американских авторов, счел возможным вступить с ними в научную конкуренцию. Сделанные мною выводы о содержании, эволюции и дифференциации предреволюционной и революционной идеологии представлялись мне более полнокровными, нежели те, которые содержались в трудах американских историков. Также, в отличие от них, я доказывал, что главным европейским источником предреволюционной и революционной американской идеологии было европейское, в том числе английское и французское Просвещение, а не ренессансный республиканизм и английский вигизм (хотя, следует признать, что, как результат научной полемики, значение последних я недооценил). В идеологии уже непосредственно Американской революции мною были выделены элитарное и демократическое течения национального Просвещения. При этом в отношении не только демократического, но и элитарного течения я отказался использовать определение “консервативное” (что, на мой взгляд, более, чем на год задержало прохождение моей докторской диссертации² в Высшей аттестационной комиссии, где эксперт, известный историк-американист и мой жесткий оппонент, принял решение послать диссертацию на отзыв другому известному историку-американисту, также радикально расходившемуся со мной в оценках Американской революции и истории США).

В 70–80-е годы для объективного, как я его понимал, изучения американской истории очень важным было сотрудничество с лабораторией американистики исторического факультета МГУ (сам я в те годы уже работал в Институте всеобщей истории Академии наук СССР). Н.В. Сивачёв, создатель и “генератор идей” лаборатории при полной поддержке своих научных единомышленников, И.П. Дементьева и Е.Ф. Язькова, выдвинул исследовательский проект изучения истории политических партий США, в первую очередь двухпартийной системы. На мой взгляд, с научной точки зрения это был самый плодотворный исследовательский проект в истории советской американистики. В то время советским идеологическим клише в отношении американской двухпартийной системы было “две партии – одна политика”. Т.е. различия между двумя главными партиями США не просто умалялись, а отрицались. Научный коллектив под руководством

---

² Опубликована в качестве монографии: *Согрин В.В.* Идеиные течения в Американской революции XVIII века. М., 1981.

Н.В. Сивачёва с самого начала опирался на совершенно иной подход. Согласно ему, участникам двухпартийной системы США на всех исторических этапах был присущ, с одной стороны, консенсус в отношении американских первооснов, а с другой стороны – альтернативность в понимании способов упрочения, совершенствования, а порой и спасения цивилизации США. Этим коллективом были подготовлены десятки научных трудов, в которых показывались если не все, то очень и очень многие различия между двумя ведущими партиями на всех этапах американской истории. Был объективно, насколько это позволяли советские условия, раскрыт очень важный механизм, позволявший американскому капитализму выживать и развиваться при наличии заключенных в его капиталистической матрице “фатальных” противоречий.

В конце 1970-х годов я был назначен руководителем сектора научной информации Института всеобщей истории и поставил задачей нацелить его на историографические исследования. Нужно было подать личный пример, и я избрал следующим исследовательским объектом историографию США XX в. В то время одной из самых популярных тем советской историографии была критика зарубежных историков. При этом в “ненаучные” школы заносились все зарубежные историографические течения, за исключением марксистского. Что касается историографии США, то главным объектом критики была школа консенсуса (“бесконфликтности” американского прошлого), но доставалось и другим школам. В 1970-х годах ситуация несколько поменялась. В США возникла достаточно влиятельная и высокопрофессиональная радикальная (“новая левая”) школа историков, и отношение к ней советских американистов с самого начала было позитивным. Я решил расширить поиск критических немарксистских школ американской историографии. В конце 1970-х годов во время своей первой научной командировки в США я познакомился с ведущими представителями радикальной школы, среди них Э. Фонером, Г. Зинном, Дж. Лемишем, Г. Гатманом. Их ракурс рассмотрения американской истории “снизу”, сосредоточенность на истории нижних и неравноправных социальных групп (женщины, темнокожие, индейцы, иммигранты, белые рабочие, беднота) порождали остро критические оценки американской цивилизации. Так же остро критически оценивали они и внешнюю политику США. Вместе с тем “новые левые” не менее, а то и более остро критиковали реальный социализм, внутреннюю и внешнюю политику СССР. Такая “обоюдоострая” позиция в отношении главных сверхдержав-соперниц не могла не дать мне новую пищу для размышлений о том, какой исследовательский подход к истории является подлинно объективным.

Моя монография “Критические направления немарксистской историографии США XX века” была опубликована в 1987 г. Редактировал и готовил ее к печати я уже во время начавшейся горбачёвской перестройки, что определенно повлияло на смягчение или даже устранение некоторых идеологических клише, принятых в советской историографии. Но последующее влияние на меня как историка горбачёвской перестройки было гораздо более глубоким и разносторонним. Можно сказать, оно было радикальным.

М.С. Горбачёву его российские современники выставляют разные оценки, а с течением времени среди них явно возобладали резко негативные. Я же вижу в нем выдающегося исторического деятеля. Не без серьезных недостатков. Горбачёву, на мой взгляд, явно не доставало той глубины, мудрости, прозорливости, прагматизма, которые, например, были присущи “спасателю” американской цивилизации Ф.Д. Рузвельту. Это в полной мере отразилось на результатах деятельности Михаила Сергеевича. Но то, что Горбачёв вырвал Россию из плена тоталитарно-авторитарной истории, в моих глазах является его заслугой. Непреходящим позитивным результатом горбачёвской перестройки для меня как профессионального историка выступает то, что в ходе и вследствие нее возникла подлинная академическая свобода, и отечественные обществоведы, среди них и историки, смогли в полной мере осознать, что такое объективное изучение реальности, и получили возможность постигать историческую истину *per se*.

Научный плюрализм в отечественной историографии, в том числе в американистике, возникший благодаря горбачёвской перестройке, развивался противоречиво и с массой издержек. Прежнее господство марксистско-советской идеологии сменилось

воздействием на американистику целого сонма новых идеологов. Их влияния не смогли избежать и профессиональные исследователи. В горбачёвский период многие американисты поспешили поменять прежние минусы в восприятии и освещении США на плюсы. Появились откровенно апологетические работы отечественных авторов, в том числе профессиональных американистов о США. Начиная со второй половины 1980-х годов наблюдался настоящий бум в деле перевода и издания на русском языке работ западных, в первую очередь американских политологов, социологов, экономистов, историков. Среди историков доминировали те, кого в советский период зачисляли в консервативную (консенса) и либеральную школы. В течение одного десятилетия количество их работ, переведенных на русский язык, значительно превзошло количество книг американских “левых” историков, изданных в СССР за предшествующие 70 лет.

Но через несколько лет в обществе в силу внутри и внешнеполитических перипетий проявилось разочарование в либерально-демократических идеалах, которое распространилось на их главного выразителя, Соединенные Штаты. Либеральная идеологема восприятия США конца XX в. уступила господствующую позицию национал-почвеннической идеологеме. На современном этапе критическое отношение к США проявилась наиболее полно. Антиамериканизм стал пропагандистским дискурсом, призванным спланировать россиян вокруг власти. Он оказывает серьезное воздействие и на профессиональных историков³.

Влияние новых идеологов было ощутимо в российской исторической науке в целом. Ее перипетии постсоветского периода стали для меня объектом пристального внимания. На рубеже 80–90-х годов прошлого века я дал высокую оценку пересмотру в отечественной литературе догматов советской эпохи и ликвидации “белых пятен” истории⁴. В статье середины 90-х годов прошлого века я видел в крепнувшем научном плюрализме важнейшее основание приближения к исторической истине, поскольку научная конкуренция отбирает адекватные историческим реалиям концепции и выводы, отсеивая ложные. Вместе с тем я обнаруживал, что новые историографические течения подчинялись так или иначе определенным идеологемам⁵. В статье середины 2000-х годов, приуроченной к 20-летию горбачёвских реформ⁶, констатировалось откровенное желание власти, чего не было в горбачёвский и ельцинский периоды, подчинить себе историографию, по крайней мере, ее мейнстрим, и руководствоваться знаменитой формулой Дж. Оруэлла “Кто владеет прошлым, тому принадлежит и будущее”. В качестве позитивной тенденции отмечалась интеграция лучшей части (в оценке автора) отечественной историографии в мировой историографический процесс и безусловное повышение, по сравнению с предшествующими периодами, ее научного уровня.

В новейших работах, осмысливая перипетии исторического знания, я счел возможным разделить его на несколько различающихся субкультур, опираясь на одобренное современным мировым академическим сообществом восприятие историографии как исторической культуры. В качестве важнейших были выделены три субкультуры. Это народная субкультура, отражающая восприятие истории массовым общественным сознанием. Это государственно-политическая субкультура, созданная в той или иной мере при посредстве государственного заказа или партийными публицистами и идеологами. Это научная академическая субкультура, созданная профессионалами на основе документальных источников и научных дисциплинарных критериев. В моем представлении научной является только третья субкультура исторического знания. Но и она не

---

³ См. об этом: *Согрин В.В.* Состояние и перспективы российской американистики. – Новая и новейшая история, 2014, № 3, с. 157–158.

⁴ *Согрин В.В.* К новому историческому сознанию. – Историки отвечают на вопросы. М., 1990, с. 6–19.

⁵ *Согрин В.В.* Идеология и историография в России: нерасторжимый брак? – Вопросы филологии, 1996, № 8, с. 3–18.

⁶ *Согрин В.В.* 1985–2005: перипетии историографического плюрализма. – Общественные науки и современность, 2005, № 1, с. 20–34.

может избежать воздействия различных идеологем, что является важной причиной разделения профессиональных историков на школы и течения⁷.

В начале постсоветского периода у меня возникла потребность наряду с продолжающимся изучением истории США осмыслить перипетии перелома современной отечественной политической истории. Она реализовалась в серии работ⁸. Принципиально важным было найти новое и адекватное теоретическое основание анализа темы, ибо советский формационный подход в ее объяснении, на мой взгляд, был беспомощен. Таким теоретическим основанием стал синтез модернизационного и цивилизационного подходов к российской истории. В ходе размышлений над российской историей и многолетнего преподавания ее в вузах (особенно важным был постсоветский период) я пришел к выводу, что принципиальное значение в отечественной истории имел ее циклический характер (особенно начиная с реформ Петра I), выражавшийся в регулярной смене периодов европеизации “почвенническими” периодами. Европеизация, она же модернизация, означала попытку преодолеть отставание России от более передовых европейских стран. Но это всегда была модернизация “сверху”, ее плодами пользовались почти исключительно верхи, и то только их часть. В обществе происходил раскол, и недовольное большинство, во главе которого часто выступала консервативная часть “верхов”, возвращало Россию к евразийской “почве”. Опираясь на такой поход, я рассматривал горбачёвскую перестройку и постсоветские реформы Б.Н. Ельцина как вариант российской модернизации – вестернизации, за которой также естественным образом следовала “почвенническая” реакция. Субъективно я относился критически к возвращению “почвы”, но объективно ее “испарение” было бы равнозначно чуду. В книге 2001 г. я вписал российскую перспективу в контекст исторического опыта страны в двух заключительных предложениях, подытоживших начальный этап президентства В.В. Путина: “Но возможно ли соединение на российской почве государственничества и либерализма? Если оно осуществится, то это будет беспрецедентным исключением из правил отечественной истории”⁹.

Главным для меня продолжало оставаться исследование американской истории, и при ее обновленном анализе теоретико-методологическому инструментарию было уделено особое внимание. Критически была переосмыслена теория общественно-экономических формаций и вытекающий из нее формационный подход. Согласно этой теории, капиталистическая общественно-экономическая формация, каковой Соединенные Штаты оставались на протяжении всей своей истории, является низшей по отношению к коммунистической формации и должна уступить последней место. Следуя этому положению, советское обществоведение разработало концепцию, согласно которой мировой капитализм после 1917 г., ознаменовавшегося возникновением советского социализма, вступил в стадию кризиса, который имел тотальный характер и все более углублялся. Этот кризис разделялся на три этапа, и явно подразумевалось, что третий этап, начавшийся в 1960-х годах, окажется для капитализма последним, после чего возможности его развития будут исчерпаны. Данная идеологическая схема оказывала самое непосредственное, установочное влияние на всех, даже самых квалифицированных советских исследователей Соединенных Штатов (конечно, ее воздействия не избежали и исследователи других капиталистических стран). Эта схема обнаружила научное и

---

⁷ *Согрин В.В.* Три исторические субкультуры постсоветской России. – *Общественные науки и современность*, 2013, № 3, с. 91–105.

⁸ См., например: *Согрин В.В.* Политическая история современной России. 1985–1994; от М. Горбачёва до Б. Ельцина. М., 1994; *его же.* Политическая история современной России. 1985–2001. От М. Горбачёва до В. Путина. М., 2001; *его же.* 1985–1995: реалии и утопии новой России. – *Отечественная история*. 1995, № 2, с. 3–16; *его же.* 1985–2005: три превращения современной России. – *Отечественная история*. 2005, № 3, с. 3–20; *его же.* Противоречивые итоги президентства В. Путина. – *Общественные науки и современность* 2009, № 1, с. 69–87.

⁹ *Согрин В.В.* Политическая история современной России. 1985–2001. От М. Горбачёва до В. Путина. М., 2001, с. 254.

идеологическое фиаско в конце XX в., когда история преподнесла сюрприз: вместо крушения капитализма произошло крушение реального социализма, и бывшие советские республики, включая Россию, вступили на путь капитализма.

Другим узким теоретическим местом, серьезно деформировавшем научную позицию отечественной американистики, являлся классовый подход. Опираясь на марксистско-ленинский классовый подход, который в каждой антагонистической общественно-экономической формации (рабовладельческая, феодальная и капиталистическая) выделял два главных противоборствующих класса, советские американисты рассматривали пролетариат и капиталистический класс как двух основных и непримиримых субъектов американской истории. При этом первостепенное внимание было уделено рабочему классу, рассмотрение которого в свою очередь в серьезной мере подчинялось идеологизированным схемам и иллюзиям. Сверхзадачей являлось отыскание радикального и социалистического потенциала американского рабочего класса, неприятия им капитализма и капиталистической эксплуатации, поиска ответов на вопросы, почему социалистический и революционный потенциал американского пролетариата не реализовывался в те или иные эпохи, какие ошибки и просчеты совершали американские коммунисты и социалисты, призванные возглавить пролетариат в борьбе против капитализма.

Научная уязвимость подобного подхода, как и основанных на нем исследований американского пролетариата и буржуазии, в целом социальной истории, стали для меня очевидными. Непредвзятый взгляд на американскую историю обнаруживает, что историческая роль, влияние и облик американского пролетариата были советскими американистами серьезно искажены. В действительности на протяжении большей части американской истории конфликт пролетариата и капиталистического класса не играл не только главной, но на многих этапах и вообще сколько-нибудь существенной роли. В течение четырехвековой американской истории этот конфликт только дважды – рубеж XIX–XX вв. и 1930-е годы – выходил на ведущее место в социальных взаимоотношениях Соединенных Штатов, приобретал радикальный, но вместе с тем даже и в те периоды не антагонистический характер. Во все же иные эпохи американской истории основное социальное напряжение в США создавалось иными социальными конфликтами – межрасовыми, религиозными, между разными буржуазными слоями, наконец, гендерным конфликтом. А в новейшее время на ведущую позицию вышел социокультурный конфликт, и в США заговорили об укоренении “культурных войн”, разделивших не классы, а каждую из главных социальных групп в связи с приверженностью одной их части традиционным, а другой части – постмодернистским социокультурным ценностям. В целом социальную историю США нужно было изучать заново, при этом важнейший вопрос заключался в выявлении истинной исторической роли, влияния и удельного веса названных выше основных социальных групп, слоев и движений.

Критикуя теорию исторического материализма, я не склонен был отбрасывать ее целиком, ибо это чревато другой крайностью. Я продолжал и продолжаю разделять то положение (оно получило развитие еще до Маркса, а после него разделялось многими немарксистскими авторами), что в капиталистическом обществе, каковым всегда являлись и остаются США, экономическим отношениям принадлежит первенство в выстраивании социальной структуры общества, а социальная структура и социальная стратификация удерживают приоритет в определении характера политической власти. По крайней мере, современное изучение американской исторической эмпирики не переубедило меня в этом¹⁰. Но это убеждение сочетается в моем современном теоретическом представлении с признанием гораздо большей, нежели это представлялось американистам советской эпохи, роли иных факторов.

Первое нововведение – цивилизационный подход. США относятся к наиболее распространенному типу цивилизаций, обозначаемых как локальные. Локальная цивили-

---

¹⁰ Вместе с тем я полагаю, что соотношение влияния экономики, социума и политики в разных обществах различно. В тоталитарных и авторитарных обществах влияние политики является наибольшим.

зация в своем общественно-историческом развитии демонстрирует преемственность основополагающих экономических, политических и особенно социокультурных характеристик, и эти характеристики в значительной мере оказываются доминантами ее внутренней структуры и эволюции. Соединенные Штаты обладают характеристиками, типичными для западной цивилизации в целом, но в их развитии наличествуют также архетипы и факторы, присущие только им.

Многу был разработан реестр архетипов и факторов цивилизации США, которые оказались полезны при анализе долговременных тенденций американской истории. Вот они. 1. Либерально-капиталистический индивидуализм (был выделен в качестве главного фактора цивилизации США, который оказывал на протяжении всей американской истории огромное, в целом ряде отношений определяющее воздействие на все сферы общества и, что особенно важно при изучении цивилизации, доминировал в национальной культуре). 2. Англосаксонский архетип (британские цивилизационные характеристики, перенесенные в Новый Свет). 3. Равенство возможностей (укоренившееся в американской ментальности представление о справедливом равенстве). 4. Гражданское общество и демократия. 5. Подвижной фронт (в XVII–XIX вв. возможность для массы белых американцев “передвигать” границу освоенных восточных земель и заселять огромные незанятые западные территории, превращаясь в независимых собственников. После исчерпания свободных земель – это уже социокультурный фактор – убеждение, что каждый индивидуум должен иметь и имеет возможность преодолевать жизненные фронтеры, не бояться “сниматься с места”, если возможности имущественного или статусного роста исчерпаны или неудовлетворительны). 6. Массовая иммиграция как важнейший перманентный фактор формирования и развития американской нации и социума. 7. Мессианиззм – убеждение, что США предназначено благодетельствовать своими ценностями все человечество.

Использование цивилизационного подхода не означало утверждения его в качестве единственно научного метода, лишенного каких либо недостатков и слабостей. Одним из слабых мест цивилизационного подхода, проявляющимся в ряде работ, написанных на его основе, является абсолютизация роли цивилизационных факторов, принижение значения исторических перемен. Избежать опасности цивилизационного “перекоса” в изучении истории той или иной страны, в том числе и США, можно в первую очередь твердо оставаясь на почве историзма. Оставаясь на этой “священной” для любого историка почве, можно обнаружить, что цивилизационные характеристики не были некими абсолютами, они видоизменялись в различные исторические эпохи, могли блокироваться, а то и нейтрализовываться иными факторами, как и меняющейся исторической средой. Цивилизационные категории, как и категории любой обществоведческой теории, выражают определенные важные тенденции, но не более того, они сродни скорее веберовским идеальным типам, нежели неким “железным” законам истории.

Важным теоретическим нововведением при изучении американской истории для меня стала междисциплинарность, на практике – использование при познании прошлого методов различных общественных наук. Отмечу, что междисциплинарность развивалась в отечественной исторической науке и в советский период, но тогда она сводилась к использованию методов марксистского обществознания. В постсоветский период междисциплинарность в исторической науке качественно изменилась, поскольку она стала свободно черпать из арсенала современного мирового обществознания, в первую очередь из таких дисциплин, как культурология, социология, политическая наука, антропология. Многие историки с недоверием относятся к методам общественных наук, считая их несовместимыми с историзмом. Ловушка антиисторизма, действительно, является главной опасностью, возникающей в случае механистического восприятия историками междисциплинарной методологии. Дело в том, что для общественных наук, в отличие от историографии, историзм отнюдь не является “священной коровой”. Многие общественные науки, среди них экономика, социология и политология, поставившие основной арсенал междисциплинарной методологии, сориентированы в первую очередь и даже почти исключительно на изучение современности, многие параметры которой

имеют фундаментальные отличия от параметров прошлых эпох. Кроме того, лежащий в основе главных социальных наук структурно-функциональный анализ ориентирует на изучение константных общественных феноменов, иначе говоря, какие функции и каким образом выполняют те или иные общественные структуры и институты в том или ином временном срезе. Что же касается общественных изменений, имевших место в прошлом, исторической конкретики и специфики, не укладывающихся в структурно-функциональные взаимосвязи, то они зачастую трактуются как не заслуживающая внимания “событийная история”.

Есть историки, причем не только в России, но и за рубежом, которые предпочитают наложить табу на использование методов и категорий общественных наук в историографии. Такой подход представляется крайностью. Возьмем, к примеру, политическую науку. В советском обществознании она была дисциплиной *non grata*, в постсоветский период стала обретать право гражданства под именем политологии. Категории и понятия политической науки помогают, в случае их надлежащего соединения с собственными методами и приемами исторической науки, глубже и разностороннее раскрывать существенные, структурные и системные характеристики и взаимосвязи разных исторических эпох. Назову некоторые важные категории политической науки, которые табуировались советским обществознанием, но вошли в обиход постсоветского обществознания, в том числе исторической науки. Это политический режим, политический плюрализм, политическая культура, политический актор, политическая социализация, политический класс, политическое участие, политическая модернизация. Эти категории и понятия, также как и цивилизационные категории, являются теоретическим подспорьем для постижения существенных характеристик прошлых эпох, но ни в коем случае не их матрицей.

Современная социологическая наука также включает в себя категории и подходы, которые в случае соединения с собственными методами исторической науки помогают преодолеть узкие места отечественной американистики и расширить возможности объективного и творческого изучения социальной истории. Отмечу, что мировая социологическая наука не отвергает классы, но трактует их иначе, чем марксистская наука. Социальную дифференциацию (стратификацию) она рассматривает более широко, включая в нее на равных с экономическими классами крупные социальные группы – расово-этнические, религиозные, возрастные, гендерные. Для изучения американской социальной истории подобное повышение статуса этих социальных групп имеет важное значение, поскольку на многих исторических этапах именно они, а не экономические классы выходили на ведущую общественно-политическую позицию.

Социология предлагает историографии целый набор важных познавательных категорий. Вот только некоторые среди них: горизонтальная и вертикальная социальная мобильность, социальные группы и социальные институты, социальная культура и социальные субкультуры, предписанные и приобретенные социальные статусы, социализация первичная, вторичная и ресоциализация, социальная стратификация, социальная роль.

Еще одним важным теоретическим подспорьем в изучении истории США явилось для меня освоение и использование научного диалога со всеми школами историографии США. Этот диалог принципиально отличен от противоборства, которое характеризовало отношение историографий России и США в советский период. Противоборство означало стремление к научной монополии, к дискредитации и устранению оппонента-соперника. А диалог – это взаимообмен научными результатами и дискуссия в интересах совместного приближения к научной истине, что предполагает восприятие у оппонента рациональных аргументов, выводов, достоверных фактов¹¹. В советский период в

---

¹¹ Подобный диалог во взаимоотношениях с зарубежной историографией стал осваиваться многими отечественными историками. Его позитивные следствия многообразны. Приведу одно из них: отечественная историография восприняла у зарубежной датировку начала нового времени. Если в советский период оно датировалось серединой XVII в., то теперь стало датироваться рубежом XV–XVI вв.

условиях противоборства отечественные историки исходили из того, что американские исследователи не в состоянии постичь научную истину, поскольку не опираются на марксизм. А историки США были убеждены, что советские авторы обречены на научную неудачу, поскольку скованы марксизмом. Противоборство, если воспользоваться терминологией политической науки, это “игра с нулевой суммой”. Каждая сторона стремится к победе, а оппоненту предназначает полное поражение. А диалог – это научное обогащение каждой стороны за счет убедительных аргументов и неопровержимых фактов оппонента, это приращение общего знания в интересах исторической науки в целом.

Подчеркну, что перманентный мысленный диалог важен с разными научными историческими школами, в том числе с жесткими оппонентами. Суждения оппонентов важно воспринимать как вызов, который в качестве ответа предполагает учет всего рационального, что заключено в позиции оппонировавшей школы. Проиллюстрирую это на примере отношения историков к постмодернизму. Он вызвал развернутую критику со стороны практически всех российских историков по той очевидной причине, что в своих крайних выражениях означал отрицание объективных оснований исторического познания, как и самой не зависящей от исследователя прошлого исторической действительности. Это неприемлемо и для меня, но, на мой взгляд, нельзя не признать наличия в позиции постмодернистов рационального начала.

Мэтр постмодернизма Х. Уайт в своей известной книге “Метаистория” доказывал, что у истории, в отличие от естественных наук, “нет единого языкового протокола”, т.е. общепринятого научного языка. Труды историков, даже самые авторитетные, по сути – репрезентации определенных языковых модусов (тропов) обыденной речи¹². Зададимся вопросом: разве в этой критике нет рационального зерна? При ознакомлении с работами современных российских историков (это же касается и зарубежных авторов) нетрудно обнаружить, что в них зачастую присутствует произвол в использовании многих понятий, терминов, ключевых слов, не говоря уже об обыденном языке. Нет никакого единства даже в понимании наиболее часто используемых и модных сегодня понятий, например, таких, как парадигма, дискурс, концепт, архетип, цивилизация. Каждый историк вкладывает в них тот смысл, который удобен ему самому.

Рациональная реакция необходима и во взаимоотношениях со всеми иными оппонировавшими школами. Ответ им должен заключаться не только в оспаривании положений, противоречащих истине, но и в учете рациональных суждений в целях совершенствования и развития исторического знания. В этом случае у истории возрастают шансы становиться более объективной и научной. Но историческая истина лежит не “посреди” между противоречивыми интерпретациями и оценками. В изучении истории США (равно как и любой истории) ее постижение возможно на основе максимально полного выявления и точного соотнесения разнообразных сторон, явлений, плюсов и минусов, нюансов и полутонов американского прошлого и настоящего.

Понятия “плюсы” и “минусы” американской истории не могут не отразить присутствия в моих постсоветских работах определенной мировоззренческой позиции. Если попытаться сформулировать ее кратко, то я бы предпочел определение гуманистический подход. Отмечу, что приверженность гуманистическому подходу декларируют самые разные идеологии, и, по сути, их определения мало отличаются друг от друга. Напомню, что марксизм видел свою цель в обеспечении свободного развития каждого как условия свободного развития всех, а многие либеральные мыслители одобряли идеал максимального счастья для максимального числа людей. Другое дело, что марксистский идеал на практике реализоваться не смог, а либеральный идеал далек от воплощения даже в самых благополучных либеральных капиталистических обществах. Но, на мой

---

¹² Русский перевод: *Vaïm X.* Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург, 2002. Разнобой категориального и словарного аппарата историков давно признан одной из центральных эпистемологических проблем историографии. См., например: *Блок М.* Апология истории. М., 1986, с. 89–107.

взгляд, историк вправе использовать гуманистический подход при оценке характера исторических изменений в том или ином обществе. Улучшение материального положения, условий и качества жизни, свободы не одного или даже нескольких социальных классов и групп, а всех их, равно как и всех членов общества и всего народа – эти критерии присутствуют в моем сознании при оценке эволюции любого общества, в том числе и американского. Но, конечно, и данный подход в профессиональной исторической работе не может абсолютизироваться, приобретать характер императива. Ибо это создает опасность перехода на позицию, схожую с политкорректностью, характерную для современного мейнстрима исторической науки США¹³. Наиболее надежным противоядием от этой опасности опять таки является историзм – оценка исторических изменений в контексте исторических возможностей и условий страны, как и в связи с тем, как, в каком направлении они обновили общество в сравнении с предшествующими этапами истории.

Этот теоретический багаж явился для меня опорой при исследовании американской истории в постсоветский период. Был написан ряд обобщающих монографий. Первой среди них стала книга “Идеология в американской истории. От отцов-основателей до конца XX века”¹⁴. При ее подготовке я привлек новые источники, но также заново проработал и переосмыслил использованные прежде. Модернизированный теоретический багаж позволил увидеть в них новые смыслы, коннотации, нюансы. Как и прежде, я разделял мнение тех авторов, которые считают, что идеологии принадлежало важное место в американской истории. Как и прежде, я полагал, что матрицей американского национального мировоззрения был либерализм, заключенный в первую очередь в трех основополагающих документах США – Декларация независимости, федеральная конституция 1787 г., Билль о правах (был включен в конституцию в 1791 г.). Но в исторических перипетиях либерализма было выявлено много нового. Изначальный либерализм был разделен на два подвида – элитарный и демократический. Демократический либерализм был поименован, начиная с рубежа XIX–XX вв., социальным, который со времен Ф.Д. Рузвельта стал тождествен либеральному мейнстриму. Что касается элитарного либерализма, то он также менял обличье: на рубеже XIX–XX вв. трансформировался

---

¹³ Политкорректность – набор мировоззренческих установок, оформившихся в американском обществе, в первую очередь в либеральных кругах (но ее не в состоянии проигнорировать и консерваторы) под воздействием общественно-политических процессов и изменений последней трети XX в. Сами эти изменения можно охарактеризовать как позитивные: первое главное среди них означало признание американским обществом безусловного равноправия черной расы, а второе заключалось в признании также безусловного равенства и равноправия во всех общественных сферах американских женщин. Эти две истины, одобренные американским обществом под воздействием в первую очередь широких демократических движений 60–80-х годов XX в., сопровождались многочисленными законодательными актами, утверждавшими равноправие чернокожих и женщин, и оказали сильнейшее воздействие на изменения в национальной ментальности и культуре. Серьезным было их воздействие на общественные науки и историографию. В историографии укоренились “женские” и “афроамериканские” исследования, в университетах появились соответствующие кафедры и учебные курсы. В результате научная картина американской истории серьезно разнообразилась и пополнилась. Это очевидные плюсы в развитии американской исторической науки. Но в изучении новой проблематики обнаружились и серьезные перекосы, находящиеся в явном противоречии с принципами историзма. Многие историки в своем исследовательском видении подчинились либеральной политкорректности, которая фактически наложила табу на критические суждения в отношении афроамериканского, равно как и женского движений. Важнейшие события прошлого, такие, как Война США за независимость, Гражданская война, Прогрессивная эра начала XX в. и Новый курс 1930-х годов стали оцениваться не столько в связи с их позитивными нововведениями в сравнении с предшествующими эпохами, сколько в связи с неспособностью обеспечить равные права афроамериканцам, женщинам, как и другим “угнетенным” социальным группам. “Политкорректный” взгляд на американскую историю стал оказывать большое влияние на ее преподавание в школах и высших учебных заведениях.

¹⁴ *Согрин В.В.* Идеология в американской истории. От отцов-основателей до конца XX века. М., 1995.

в социал-дарвинистский вариант, с 1950-х годов стал именоваться консерватизмом. В последующем появлялись новые разновидности консерватизма – социальный консерватизм, неоконсерватизм, палеоконсерватизм и др. В либерализме также появлялись разновидности, а с конца XX в. социальный консерватизм был потеснен с господствующей позиции неолиберализмом.

Либерализм и консерватизм определялись как главные американские идеологии. Наряду с ними существовали две “малые” идеологии – левый и правый радикализм. Важным для обеих было то, что они, как и две главные идеологии, неизменно декларировали лояльность в отношении трех названных изначальных, по своей сути либеральных документов американского государства. Характерно, что среди “левых” идеологий наибольшего влияния добивались те, которые подавали себя как продолжатели и модернизаторы национальной либерально-демократической традиции. А наименьший результат был уделом тех (в первую очередь марксизма), которые отдавали приоритет европейским заимствованиям.

Ряд моих монографий был посвящен политической истории США, в первую очередь перипетиям американской демократии¹⁵. В ее изучении важнейшее значение имел синтез историзма и теоретического багажа современной мировой политической науки. Среди наиболее часто называемых мировой политической наукой типов демократии выделяются следующие. Это прямая демократия, представительная демократия, мажоритарная демократия, плюралистическая демократия, процедурная демократия, либеральная и нелиберальная демократия, партиципаторная демократия, элитарная демократия. Как соотносится с ними демократия США? Среди американских исследователей существуют различные школы характеристики американской демократии. У оптимистов преобладают те, кто считает американскую демократию плюралистической, процедурной, а также представительной и либеральной. Пессимисты, полагающие, что существующая в США демократия на деле является элитарной, считают, что она резко умаляет политическую роль большинства, а многие среди них принадлежат к числу поборников партиципаторной демократии. Согласно ее принципам непосредственное воздействие народа на политическую власть это не только демократический инструмент, но и высшая демократическая ценность.

Какая из вышеизложенных концепций американской политической власти и демократии соответствует реалиям США? В полной мере ни одна из них, полагал я, но ни одной из них пренебречь невозможно, все они, даже партиципаторная и мажоритарная демократия, так или иначе, в той или иной степени отражают реалии американской политической системы и истории. Своей исследовательской задачей я поставил максимально точно определить эти степени, найти верное соотношение обсуждаемых демократических моделей и начал в политической и исторической практике. Обнаружилось, что на разных этапах американской истории соотношение разных властных моделей и начал было различным, поэтому в США существовали исторические типы демократии. В результате исторического и политологического анализа история американской демократии была разделена на шесть этапов.

1) 1607–1776 гг. – этап генезиса американской демократии, когда ее начала сосуществовали с большим количеством недемократических установлений; 2) последняя четверть XVIII в. – этап первого радикального расширения и трансформации демократии; 3) 1800–1860-е годы – этап второго радикального расширения и трансформации демократии; 4) 1870–1910-е годы – консервация и ослабление демократии в последнюю треть XIX в. и новое ее расширение в начале XX в.; 5) Период между двумя мировыми войнами, сопровождавшийся в 1920-е годы ослаблением демократии, а в 1930-е годы ее консолидацией и дополнением некоторыми началами социальной демократии; 6) От окончания Второй мировой войны до наших дней – современный этап,

---

¹⁵ *Согрин В.В.* Президенты и демократия. Американский опыт. М., 1998; *его же.* Политическая история США. XVII–XX века. М., 2001; *его же.* Демократия в США. От колониальной эры до XXI века. М., 2011.

включивший разнообразные демократические нововведения, но в некоторые периоды и “откаты”.

Также я пришел к выводу, что демократический архетип, присущий американской политической власти на всех этапах, развивался циклически. “Высокие” периоды, сопровождавшиеся нововведениями, чередовались с “низкими” периодами, в которые наблюдались “откаты” демократии. К “высоким” периодам американской демократии были, например, отнесены Прогрессивная эра начала XX в., 1930-е годы, 1960–1970-е годы. А к “низким” периодам – 1920-е годы, когда корпоративные верхи сумели взять реванш за поражение в годы Прогрессивной эры и вновь утвердили свои приоритеты в государственной власти, как и 1950-е годы, когда в американском обществе возобладал консервативный двухпартийный социально-политический консенсус. К “низким” периодам я отнес и современный цикл, когда после победы в “холодной войне” американская демократия добилась монопольного влияния на мировое сообщество, и эта позиция, что в случае с монополией правило, а не исключение, породила тенденции внутривластного застоя и внешнеполитической самонадеянности.

Важными, на мой взгляд, были выводы о роли “низов” и “верхов” в развитии демократии. Демократия добивалась наибольших успехов во времена подъема массовых народных движений – фермерского и городского в конце XIX – начале XX в., рабочего класса и других нижних слоев в 1930-х годах, женщин, афроамериканцев и антивоенной молодежи в 1960–1970-е. Демократическая политическая культура американского народа служила главным противовесом от опасности скатывания к авторитарному и тем более тоталитарному политическому режиму. Политический режим в США неизменно оставался демократическим.

В его поддержании важная роль принадлежала и просвещенной политической элите. Так, в “высокие” периоды преданные демократии президенты ради достижения общественного согласия не однажды вступали в конфликт с крупным капиталом, который самостоятельно обнаруживал минимальную способность идти на компромиссы с другими классами. В 1930-е гг. либерально-демократический президент Ф.Д. Рузвельт и его сторонники вступили в серьезный конфликт с крупным бизнесом, и результатом ограничения эгоизма корпоративного капитала явилось создание федерального социального государства, резкое расширение покупательной способности народа, дополнение, пусть и умеренное, политической демократии социально-экономической. Это не означало, что государство США заняло антикапиталистическую позицию, но это означало, что американская демократия развила механизмы согласования разных классовых интересов и выбрало приоритетом достижение блага общества в целом.

Наиболее полно новый теоретический багаж, как и рассмотрение с современных позиций источников, как впервые привлеченных, так и уже использовавшихся прежде, воплотился в монографии “Исторический опыт США”¹⁶. Самое пристальное внимание в ней было уделено новому прочтению американской социальной истории. Специально выделялась и излагалась роль религии и религиозных конфликтов в истории США. Было сделано заключение, что в колониальный период религия, в первую очередь протестантизм, играли первостепенную роль в социализации американцев и формировании гражданского общества. Была показана роль религии и религиозных конфликтов, в том числе знаменитых массовых религиозных “возрождений” на последующих этапах американской истории вплоть до наших дней. Также я стремился максимально полно раскрыть роль гендерного конфликта и женского движения в американской истории. Вместе с тем мой подход к этой теме отличался от подхода современной американской историографии. Последняя, подчиняясь требованиям политкорректности и превратив гендерный конфликт и женский пол в своего рода культовый объект американской истории, преувеличила их роль на большинстве этапов прошлого США. Я, стремясь

---

¹⁶ *Согрин В.В.* Исторический опыт США. М., 2010. В 2013 г. сокращенный в два раза и доработанный вариант этой монографии опубликован под названием “Центральные проблемы истории США” (М., 2013).

оставаться на почве историзма и признавая первостепенное значение гендерного конфликта и женского движения в постиндустриальной Америке (в ней, согласно моему определению, произошла “тихая гендерная революция”), вместе с тем показывал, что на предшествующих этапах роль гендерного конфликта, хотя и возрастала, но все же, в сравнении с другими социальными конфликтами (классовым, расовым, религиозным), играла меньшую, а подчас второстепенную роль.

Также я стремился к исторической объективности в освещении прошлого чернокожих американцев (в его изложении, как и в изложении гендерного конфликта, американский историографический мейнстрим подчиняется диктату политкорректности, в связи с чем серьезно искажается историческая роль многих epochальных событий, например, американских революций и рузвельтовского Нового курса, не сумевших гарантировать чернокожим равных с белыми правами). Исследуя роль классового конфликта, я показывал, что он характеризовал чаще отношения между разными слоями собственников, нежели между капиталом и пролетариатом. Также я показывал, что классовые различия в США, существовавшие всегда, чаще всего выступали в качестве различий между “верхним”, “средним” и “нижним” классами, как они обозначаются в самих Соединенных Штатах, нежели между буржуазией и рабочим классом, как это виделось советским историкам. Рабочий класс, безусловно, был перманентным феноменом американской истории, но его самосознание во все возрастающей степени характеризовалось чертами, присущими ментальности среднего класса.

В исследовании центральных проблем истории США я ставил в качестве одной из главных задач скрупулезно выверенное изложение противоречивых сторон epochальных исторических событий, соотношения в них исторически “общего” и национально “особенного”. Обратившись к истории Войны США за независимость 1775–1783 гг., я, признав ее антиколониальное происхождение, вместе с тем обосновывал развитие в ее недрах внутривластной революции, радикально трансформировавшей в либерально-демократическом направлении практически все стороны американского общества¹⁷. Революция укрепила либерально-капиталистический индивидуализм в качестве основополагающего архетипа североамериканской цивилизации. Особенно подчеркивался глубокий и оригинальный характер политических преобразований революционного и постреволюционного периодов.

В постреволюционный период, по моему заключению, государственно-правовые нововведения революции были пересмотрены с умеренных позиций, получивших отражение в федеральной Конституции 1787 г., действующей поныне. Но конституционный ревизионизм был не антидемократическим переворотом, как традиционно доказывалось в марксистской историографии, а типично постреволюционной фазой, означавшей приведение завоеваний революции в соответствие с интересами тех элитных групп, которые участвовали в революции и благодаря ей приобрели господствующие позиции в экономике и социальной структуре. Конституция США не отвергала, а препарировав, сохраняла принципы республиканизма, разделения властей, правового государства, а также гражданские и политические свободы. Ее авторы обнаружили способность находить общий конституционный знаменатель, который, удовлетворяя интересы верхов, согласовывал их, так или иначе, с интересами электората в целом. Конституция предстала как двойной общественный договор: между разными группами верхнего класса, согласовавшими с помощью компромиссов собственные интересы, и между верхним классом и обществом в целом.

Следствием революции явилось создание национальной двухпартийной системы, остающейся и поныне одним из главных оснований политической системы США. В первой двухпартийной системе обозначились три принципа взаимоотношений соперников – консенсус, преемственность, альтернативность, которые оказались характерны для всех последующих двухпартийных систем.

---

¹⁷ *Согрин В.В.* Война США за независимость как социально-политическая революция. – Новая и новейшая история, 2005, № 3, с. 84–98.

Американская революция, упрочив либерально-демократические начала общества, расширила права разных слоев белого населения, но обделила ими чернокожих и индейцев. И в дальнейшем американская демократия носила расово ограниченный характер. Тем не менее с точки зрения историзма ее позитивное развитие сохранялось. Это, по моему заключению, верно в отношении как джефферсоновской демократии первой четверти XIX века, так и джексонской демократии второй четверти века. Расовая ограниченность была присуща им обеим, но права белого населения, причем в первую очередь средних, как и нижних слоев, последовательно расширялись. К середине века, с точки зрения демократии для белой расы, Америка стала самой передовой страной мира. Но демократизация белой Америки, согласно моему выводу, с нарастающей остротой ставила вопрос о ее несовместимости с рабовладением южных штатов.

Вызрела фундаментальная причина второй американской революции, нацеливавшаяся на отмену рабства. Такое понимание проблемы включает мое принципиальное отличие от многих американских, как и ряда отечественных историков, полагающих, что первопричиной революции был непримиримый конфликт между свободным белым населением Севера и рабовладельцами Юга по поводу распределения необозримого земельного фонда Запада, принадлежавшего федеральному государству. Признавая рабство первопричиной Гражданской войны, я вместе с тем в ее трактовке занял позицию, отличную от той, которой придерживалось большинство “левых” историков США, как и советских американистов. Собственное изучение источников убедило меня, что в антирабовладельческом движении главная роль принадлежала отнюдь не чернокожим американцам и не восстаниям рабов. Она принадлежала белым американцам свободных штатов. При этом их волновала не судьба чернокожих американцев, которых они хотели выселить в Африку, основав там с этой целью государство Либерия, а запрет рабовладения как института, препятствовавшего свободному развитию фермерского землевладения на свободных землях Запада. Американцы из свободных штатов, даже не будучи в подавляющем большинстве (за исключением радикальных аболиционистов) озабочены судьбой чернокожих американцев и сохраняя глубокие расистские предрассудки и убеждения, в десятилетие перед Гражданской войной вошли с южанами в такие конфронтационные отношения, что стали воспринимать конфликт Севера и Юга как столкновение двух несовместимых цивилизаций – передовой либерально-демократической и реакционной рабовладельческой.

Но почему же Республиканская партия, которая, включая ее лидера А. Линкольна, хотела благодетельствовать за счет рабовладельцев большинство белого населения, а чернокожих выселить в Африку, пошла в ходе революции не только на отмену рабства, но и на превращение чернокожих в американских граждан, наделенных равными с белыми гражданскими и политическими правами? Изучая и осмысливая этот вопрос, я сделал вывод, что причиной этого явилась логика революционных событий, приобретших собственную инерцию (на мой взгляд, это присуще практически всем революциям и является их закономерностью), “исправивших” расовые предрассудки А. Линкольна и республиканцев. В результате Гражданская война и последовавшая за ней Реконструкция Юга предстали масштабной социальной революцией. Она отменила рабовладение, утвердила чистый либерально-капиталистический миропорядок, одобрила в интересах широких слоев белых сограждан самое демократическое аграрное законодательство, предоставила освобожденным чернокожим американцам равные гражданские и политические права с белыми.

Но почему уже вскоре после революции белая Америка закрыла глаза на реставрацию в южных штатах расистского режима (понятно, без рабовладения). Анализ последующих событий позволил показать, что ментальность неподвластна стремительным революционным изменениям. Белая Америка, сокрушив рабовладение и утвердив чистый капитализм, т.е. добившись основных целей для себя, затем (на 70 лет!) согласилась с повсеместным восстановлением неравенства белой и черной рас. Фактор прочной национальной расистской ментальности не был единственной причиной восстановления расовой ограниченности либерально-демократической цивилизации белой

Америки, но он свидетельствовал о важности социокультурной составляющей американской цивилизации.

Игнорирование социокультурного фактора было, на мой взгляд, важной причиной неспособности советской американистики всесторонне и объективно оценить важные реалии последующих периодов истории США, в том числе и такого, как “десятилетие процветания” 1920-х годов. Советская американистика, следуя концепции перманентного глобального кризиса капитализма, наступившего после Октября 1917 г., представляла десятилетие процветания как период “временной и частичной стабилизации капитализма”. Мною обосновывалась новая концепция исторического места этого периода. Упор был сделан на то, что экономические успехи США 1920-х стали основанием становления социокультурной матрицы общества потребления, превратившейся в поведенческую первооснову американского социума новейшего времени. Она укоренилась в сознании не только верхних и средних, но также нижних слоев, которые получили возможность хотя бы отчасти приобщаться к обществу потребления при помощи кредита. Новая потребительская ментальность приобретала всё более массовый, общенациональный характер, серьезно размывая и деформируя классовые субкультуры. Разразившийся в 1929 г. экономический кризис нанес мощный удар по процветанию, но после того, как кризис был преодолен, матрица общества потребления 1920-х годов реанимировалась. Вместе с этим возродились социокультурные нормы десятилетия процветания, которые в современной Америке только упрочились. Его цивилизационное значение для Соединенных Штатов заключается в том, что в ряде важных отношений, особенно опять-таки в социокультурном, современная Америка “стоит на плечах” 1920-х.

При рассмотрении рузвельтовской либерально-демократической активности 1930-х годов мною особое внимание было уделено критической проверке распространенного в работах как отечественных, так и большого числа американских авторов положения о том, что Новый курс Рузвельта не смог вывести страну из экономического кризиса, как и решить острые социальные проблемы, и что американский капитализм был спасен только военной экономикой 1940-х. Вопреки этому выводу в монографии доказывается, что в 1939–1940 гг., т.е. еще до вступления США в войну и начала ими массового военного производства, показатели ВВП предкризисного периода были не только достигнуты, но и превзойдены, безработица оказалась в полтора раза ниже, чем в 1933 г. Осуществилась стабилизация цен. Вступление США во Вторую мировую войну ускорило восстановление высоких экономических показателей и одновременно создало условия для нового, во многом беспрецедентного взлета американской экономики. Что касается антикризисных механизмов, освоенных Новым курсом в 1930-х годах, то многие из них не исчезли ни во время, ни после Второй мировой войны, они сохранились и совершенствовались, свидетельствуя об эффективности социально-экономической стратегии, избранной Рузвельтом и его командой. Было создано американское социальное государство, полезное как для экономики, так и для социума. Президентство Рузвельта показало, что деятельность американского государства и политической системы не является чем-то раз и навсегда данным, но определяется соотношением разных социальных сил, как и позицией политической элиты, и что те преимущества, которые дают для воздействия на политическую власть собственность и богатство, могут быть ослаблены противодействующими силами.

Заключительный этап американской истории, исследованный в монографии, охватывает период от окончания Второй мировой войны по сегодняшний день. Экономические, социальные и политические перипетии этого этапа рассмотрены в книге сквозь призму смены индустриального общества постиндустриальным. В развитии постиндустриальной экономики США неизменно удерживали мировое лидерство. Прямое отношение к этому имели американские цивилизационные архетипы, благоприятствовавшие экономическим успехам США и в предшествующие эпохи.

Экономическое развитие постиндустриальной Америки испытывало полезное воздействие политического соперничества двух главных партий. В рамках либеральной модели Демократической партии, развивавшей подходы Ф. Рузвельта, уделялось осо-

бое внимание повышению покупательной способности населения, развитию программ государственных экономических и социальных “услуг” населению. Консервативная модель, пестовавшаяся Республиканской партией и ставшая известной как “экономика предложения” (в отличие от “экономики спроса”, отстаивавшейся Демократической партией) делала упор на расширение и стимулирование рыночных возможностей бизнеса, расширение в обществе роли и удельного веса частных институтов и инициатив. Чередование двух моделей в экономической политике государства определялось изменениями в запросах и потребностях общества.

Смена индустриального общества постиндустриальным сопровождалась радикальными изменениями социальной структуры и социальных отношений в США. Резко сократились классический промышленный пролетариат, а на ведущую позицию в занятом населении выдвинулись “беловоротничковые” работники. Беловоротничковые слои идентифицировали себя со средним классом, к которому в прежнюю индустриальную эпоху причислялись главным образом представители собственнических слоев. В постиндустриальном обществе средний класс стал разделяться на “старый”, включающий в основном предпринимателей, и “новый”, состоящий главным образом из “беловоротничковых” специальностей. “Старый” и “новый” средний класс, по совокупности, достиг двух третей американского общества и выступил в качестве главного стабилизатора его социально-экономических и политических основ.

Социальные конфликты, занимавшие центральное место в американском обществе в прежние эпохи, пошли на убыль. Это ярко проявилось в упадке профсоюзного движения и фактическом исчезновении левых политических партий. В постиндустриальном американском обществе социальная напряженность создавалась иными силами и движениями, среди которых в качестве главных в монографии были выделены новые левые, афроамериканцы, а также женские движения. Они добились ощутимых успехов в борьбе за одну из главных американских цивилизационных ценностей – равенство возможностей, включающего равенство гражданских и политических прав, как и конкурентных экономических возможностей.

По сравнению с выводом о том, что в постиндустриальной Америке улучшились статусные позиции и экономическое положение приниженных прежде социальных групп – женщины, чернокожие, иммигранты, пожилые, парадоксальным выглядит другой вывод монографии: неравенство между тремя основными экономическими классами – верхний, средний, нижний – не уменьшилось, а в последние десятилетия даже имело тенденцию к расширению. Объяснение, согласно авторским выводам, заключено в том, что внутри женщин, чернокожих, иммигрантов, пожилых, улучшивших свое положение в целом, одновременно развивалось имущественное неравенство, воспроизводящее классическую экономическую пирамиду американского общества, в которой его граждане разделены на три экономических класса – верхний, средний, нижний – со зримыми, во многих отношениях очень неравными параметрами существования.

И здесь мы сталкиваемся еще с одним из исторических феноменов США: несмотря на то, что американцы за четыре столетия добились значительного, хотя и далеко не полного успеха в реализации принципа равенства возможностей граждан, они не смогли сколько-нибудь существенно поколебать неравенство в распределении национального богатства между разными экономическими классами. Одну из главных причин этого автор видит в цивилизационной особенности Америки, возникшей на заре ее существования и заключающейся в закреплении основополагающей роли индивидуальной ответственности за жизненный успех или поражение индивидуума.

В целом современный исторический этап обнаруживает не только важные отличия, но и цивилизационную преемственность с предшествующими периодами американской истории. В США и поныне сохраняются архетипы и факторы, зародившиеся на более ранних, в том числе начальных этапах их истории. Их воздействие на четырехвековую американскую историю противоречиво, как противоречивы и ее итоги. В монографии ставилась цель возможно полнее раскрыть разные стороны исторической эволюции американской цивилизации. Вместе с тем монография “Исторический опыт США”, как

и другие исследования автора постсоветского периода, была посвящена практически исключительно внутривосточной истории США. Постепенно у меня формировалось убеждение, что всесторонний синтез американской истории невозможен без рассмотрения в органичном единстве истории как внутренней, так и внешней политики Соединенных Штатов.

Такой синтез был осуществлен в монографии «США в XX–XXI вв. Либерализм. Демократия. Империя», изданной в начале 2015 г.¹⁸ Соединенные Штаты в контексте взаимодействия с меняющимся миропорядком были определены мною как либерально-демократическая империя. Это определение впервые введено в историографию и отличает автора как от тех, кто не считает американскую внешнюю политику имперской, так и от тех, кто признаёт ее имперской, но не придает значения исторической особенности, выделенной мною.

Разногласия историков в существенной мере проистекают из различий в трактовке понятия «империя». Большинство американских авторов разделяют то мнение, что империя может быть творением только авторитарного (деспотического, монархического и т.д.) или тоталитарного (правого или левого) режимов. «Отождествлять Соединенные Штаты с имперской властью, – формулирует мнение большинства А. Перлмуттер, – ошибочно. Америка утверждала свое влияние посредством современных инновационных идей, технологических достижений, развития рынков, создания и распространения общества потребления, нежели посредством господства над народами... Империализм, очевидно, являлся фундаментальной принадлежностью коммунистической и нацистской политических систем»¹⁹. А американский леворадикальный политолог М. Паренти посетовал: «Студенты факультетов политических наук большинства университетов этой страны не получают возможность проводить исследования проблем американского империализма по причине того, что сам «империализм» не является предметом академического образования... В самих США людей, рассуждающих об американском империализме, считают напыщенными идеологическими болтунами»²⁰.

И всё же среди профессиональных исследователей США есть небольшая группа авторов, которые считают США империей. Они известны как историки-ревизионисты. Они заявили о себе во весь голос еще в 1960-е годы, а впоследствии некоторые занимали профессорские должности в престижных университетах, издавали не только фундаментальные монографии, но и учебники²¹. Ревизионисты делают упор на нетрадиционный характер американской империи, означающий фактически утверждение экономического, политического и культурного преобладания в той или иной стране или группе стран без территориального завоевания и без непосредственного политического управления.

Не искажает ли нетрадиционный характер американской империи семантической и исторической чистоты этого понятия? На мой взгляд, нет, поскольку понятие «империя» в свой «родовой», древнеримский период имело разные значения, в том числе и такое, которое по признакам близко к американской империи XX–XXI вв. В изначальном смысле оно означало чрезвычайные полномочия высших магистратов – консулов, преторов и (если их назначали) диктаторов. Затем появились новые его смыслы, среди которых главным был тот, который обозначал Рим со всеми его владениями как *rex Romanae*. Как пишет современный исследователь античности, римскую имперскую политику «нельзя рассматривать только как жажду приобретения новых территорий и новых богатств». Римская империя превращалась в многозначное и противоречивое

¹⁸ *Согрин В.В.* США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя. М., 2015.

¹⁹ *Perlmutter A.* Making the World Safe for Democracy: A Century of Wilsonianism and Its Totalitarian Challengers. Chapel Hill (NC.), 1997, p. X–XI.

²⁰ *Паренти М.* Власть над миром. Истинные цели американского империализма. М., 2006, с. 13.

²¹ *Gardner L.S., LaFeber W.F., McCormick T.J.* Creation of the American Empire: US. Diplomatic History. Chicago, 1973, 1976; *La Feber W.* The American Age. United States Foreign Policy at Home and Abroad. 1750 to the Present. New York – London, 1994.

явление, при этом на первый план все более явно выходило «ее главное стремление... превратить свои владения в “мир”, в расширяющуюся сферу политической и цивилизационной экспансии»²². У *rex Romana* и *rex Americana* есть не только серьезные отличия (уже отмеченное – не включение Американской империей экономических, политических и культурно-цивилизационных территорий своего влияния в собственную государственность), но и принципиальное сущностное сходство. У Америки тоже главное стремление, что и у Римской империи – создать и расширять до максимума “мир” своего экономического, политического и культурно-цивилизационного влияния и господства. И в этом главном стремлении она превзошла не только Древний Рим, но и все иные империи прошлого.

Но у американской империи есть, кроме отмеченного, еще одно принципиальное отличие от Римской империи, как, впрочем, и от всех империй прошлого. Историкоревизионисты закрыли на него глаза, я же обозначил именно его как историческую особенность американской империи. Американский имперский мессианизм во все времена был освящен идеалами демократии и либерализма. Американские отцы-основатели мечтали, что Америка станет империей, но особенной, радикально отличной от европейских монархий и деспотий. Т. Джефферсон, рассуждая в духе Просвещения, самой передовой идеологии той эпохи, мечтал о создании и распространении его родиной империи разума – особого, неизвестного истории универсума, обустроенного в соответствии с принципами Ф. Вольтера, Ш.Л. Монтескье и Ж.Ж. Руссо. Во времена отцов-основателей мессианская идея не могла получить практической реализации, поскольку США оставались слабым государством. Уверовав уже достаточно прочно в исключительность своей страны и ее избранность для высокой мировой миссии, американцы, их духовные и политические лидеры делали упор на то, что Америка являет собою образец для подражания, подает всем другим пример идеального общественно-политического устройства.

Ситуация меняется в следующем столетии. Президенты-демократы Т. Джефферсон и Э. Джексон обосновывали необходимость широкой экспансии на североамериканском континенте, при этом особо подчеркивали, что такая экспансия оправдана необходимостью распространения американского демократического эксперимента и способствует укреплению демократии среди населения самих штатов, поскольку тысячи и тысячи неимущих американцев превращаются благодаря территориальной экспансии в фермеров – главную опору демократической республики. Т.е. территориальная экспансия рассматривалась как основа упрочения и развития демократии. Так сплавлялись идеи демократии и экспансии, заключавшей в себе имперский ген. США превращались в исторически первую либерально-демократическую империю.

Демократический имперский мессианизм настолько прочно вошел в сознание как политической элиты, так и масс, что превратился в материальный фактор американской внешней политики. Автор отнюдь не умаляет значения таких важных материальных факторов, как американская капиталистическая экономика, геополитика и национальные интересы, но он убежден, что обозначенный социокультурный фактор с момента возникновения США и до наших дней выступал в качестве непреходящего и мощного фактора становления и развития американской империи. Он всегда был мощной опорой экономических и политических устремлений американской нации, облагораживал их экспансионистский характер, обеспечивал им массовую поддержку.

Итак, важнейшим источником американской империи был особый органический мессианизм американцев. Его архетип возник намного раньше появления экономического фактора имперской экспансии²³, каковым для историков-ревизионистов являлась экономическая мощь американского корпоративного капитала, сложившегося на рубе-

²² Уколова В.И. Империя: исторический опыт Рима. – Вестник МГИМО. 2008. № 2, с. 5, 10.

²³ Президент США Б. Обама отмечал: “У нас в ДНК... отпечатано стремление к расширению – географическому, экономическому и идеологическому”. – *Обама Б.* Дерзость надежды. СПб., 2008, с. 313.

же XIX–XX вв. Но оформление этого экономического характера подняло имперский мессианиззм на новую высоту. При этом либерально-демократический архетип никуда не исчез, продолжая придавать американской империи уникальный характер.

Вместе с тем демократия, либерализм и империя находились в сложных противоречивых отношениях. Имперская политика влияла на демократию, неоднократно ее серьезно деформировала – как во внешней, так и во внутренней политике. Вот признание президента США Б. Обамы: “Такие методы холодной войны, как секретность, слежка и дезинформация, применявшиеся против правительств и населений других стран, сделались инструментами внутренней политики, средством для преследования критиков, получения поддержки сомнительных политических курсов или сокрытия ошибок. Сами идеалы, которые мы обещали нести миру, предавались в нашей же стране”²⁴. Еще более серьезно имперская политика деформировала демократию на международной арене. США, предлагая демократию другим странам в качестве образца, в конкретной политике зачастую переходили к ее навязыванию, реализовывали формулу “цель оправдывает средства”. В результате средства стали превращаться в самоцель внешней политики, а империя подминать и подчинять себе демократию.

Нельзя не признать то обстоятельство, что либерально-демократические принципы США неоднократно привлекали симпатии разных стран и народов. Отмечены многие примеры того, как государства разных континентов добровольно воспринимали американские либерально-демократические ценности, обращались к США за их поддержкой, устремлялись в созданные и руководимые ими экономические и финансовые международные организации, как и в военно-политические союзы. Норвежский исследователь Г. Лундестад, анализируя это явление, шел возможным назвать США “империей по приглашению” (это определение нашло широкое признание в научной литературе)²⁵. Но добровольное вхождение в имперскую орбиту США оборачивалось их подчинением экономическим и политическим интересам Вашингтона, превращением в союзника низшего ранга.

Это ярко проявилось по завершении “холодной войны” на постсоветском пространстве. США, став единственной сверхдержавой, уверовали в то, что им принадлежит руководящая роль в формулировании и выстраивании однополярного мира. Внешняя политика Дж. Буша-младшего, в наибольшей мере воплотившая мессианско-имперские притязания США на единоличное управление миром, ознаменовалась провалами на Ближнем и Среднем Востоке, в Латинской Америке, на других важнейших направлениях. Причина – очевидная несостоятельность ее основополагающего замысла. Буш-младший и “неоконы” самоуверенно исходили из того, что США, оказавшись после крушения ялтинско-потсдамского миропорядка единственной сверхдержавой, способны утвердить монополию в управлении международными отношениями и не просто подчинить себе новый миропорядок, но свершить всемирную “демократическую революцию” по американской модели²⁶.

Б. Обама, избранный президентом США в 2008 г., попытался в начале скорректировать внешнеполитический курс Буша-младшего. Единоличному лидерству США он противопоставлял мультипартнерство и цивилизационный плюрализм. Но преодолеть претензию на американскую исключительность и мировое лидерство, “предназначение” его страны быть образцом для подражания всем другим странам и регионам не удалось и ему. Наиболее ярко это проявилось во время украинского кризиса 2014 г.

Позиция американского политического класса во время этого кризиса требует осмысления. На мой взгляд, тезис российских СМИ (особенно официальных) о возникновении украинского кризиса исключительно вследствие происков Вашингтона являет-

²⁴ Там же, с. 320.

²⁵ Лундестад Г. Восток, Запад, Север, Юг. Основные направления международной политики. 1945–1996. М., 2002, с. 4, 14.

²⁶ См. *Согрин В.В.* Внешняя политика Дж. Буша-младшего. Генезис. Эволюция. Итоги. – Новая и новейшая история, 2014, № 2, с. 92–111.

ся упрощением. США, безусловно, использовали украинский кризис в своих интересах, но происхождение его имело внутри украинские причины. Дело в том, что Украина (также как и другая бывшая советская республика – Грузия) с момента обретения в конце 1991 г. независимости обнаружила намерение выйти из сферы российского влияния, в которой она находилась несколько столетий и которая с точки зрения украинского политического класса не сулила стране в будущем исторической удачи. Украинское руководство избрало прозападную ориентацию и вознамерилось видеть США в качестве “империи по приглашению”. В 2014 г. после устранения обанкротившегося режима В.Ф. Януковича украинское руководство продемонстрировало это с наибольшей откровенностью. Воинствующая русофобия нового руководства Украины, как и части ее населения, стала неожиданностью для России, не поверившей в то, что братская нация сделала это по собственной воле, а не по указке Вашингтона.

Если бы США действовали “по справедливости”, они не вторгались бы в традиционную сферу влияния России, т.е. на постсоветское пространство. Тем более что нерасширение сферы влияния США на восток оговаривалось в джентльменских соглашениях между руководством СССР и США на завершающем этапе “холодной войны”. Но Соединенные Штаты отказались от негласных договоренностей сразу после распада СССР и не устояли перед искушением стать “империей по приглашению” для бывших союзников СССР по Варшавскому договору, для бывших советских балтийских республик, для Грузии и, наконец, для Украины. Всё это унижительно для России, она вправе протестовать против имперского поведения США, но нельзя закрывать глаза на то, что руководство Украины, как и других восточноевропейских стран, само избрало Соединенные Штаты “империей по приглашению”, став в контексте меняющегося миропорядка их “провинцией”.

Имперские вождедения США не могут не вызывать осуждения, и на мой взгляд, неизбежно приведут к серьезным последствиям для Америки. Также, на мой взгляд, имперское поведение США попирает принципы демократии и либерализма, прописанные в основополагающих государственных документах самих Соединенных Штатов. Не отказываясь от определения США как либерально-демократической империи, считаю, что оно продемонстрировало глубокую противоречивость на всем протяжении американской истории, а в период после окончания “холодной войны” эта противоречивость достигла наивысшей точки.

Характеризуя внешнюю политику США как имперскую, я вместе с тем в синтезе американской истории стремился всесторонне показать соотношение внутривнутриполитической демократии и внешнеполитического мессианизма – имперства. В результате получилась противоречивая синтетическая картина американской истории, но эта противоречивость, на мой взгляд, отражает саму историческую реальность, а отнюдь не “путаницу” или беспринципность моих исследовательских воззрений. Для меня историческая истина лежит не посредине между “плюсами” и “минусами” американской истории или различающихся, а то и взаимоисключающих друг друга исторических концепций. Приближение к ней означает именно тщательно выверенное, основанное на всесторонней проработке источников, на дискуссии-диалоге со всеми историографическими школами, на теоретических и методологических приемах исторической профессии, раскрытие и соотнесение разных сторон, явлений, сущностей исторического процесса.

Профессиональная историография является научной дисциплиной, суверенной по отношению к иным историческим субкультурам. Хочу подчеркнуть эту мысль, поскольку в современном российском обществе средства массовой информации, подконтрольные власти, активно создают угодную ей историческую субкультуру и именно ее представляют в качестве истинной и научной. И такая претензия воспринимается, а то и поддерживается, культивируется целым рядом историков с научными степенями. Более того, именно эти историки доминируют в публичной сфере и представляются в СМИ в качестве главных авторитетов исторической науки. В связи с этим считаю важным указать на основные приемы современной отечественной историко-политической

публицистики, которые, по моему убеждению, несовместимы с позицией профессии историка.

Первый подход я бы определил как манихейский. В современной информационной войне между Россией и США он используется обеими сторонами. Они делят мир на две силы – добра и зла, выстраивая черно-белую картину истории и современности. Для российской стороны Россия “по определению” воплощает добро, а Америка – зло. Со стороны США манихейский подход заключается в том, что Америка и в прошлом, и в настоящем “по определению” олицетворяет собою добро, а Россия – зло. В России манихейский подход является основой антиамериканизма, а в США он генерирует русофобию. В обоих случаях достижение объективной истины в создании образа “другого” невозможно.

Второй подход, пестуемый как русофобией, так и антиамериканизмом – конспирологический. Каждая сторона видит в неприемлемых для нее событиях прошлого и настоящего происки противной стороны: Москва – руку Вашингтонского “обкома”, а Вашингтон – “руку Кремля”. В период “холодной войны” Вашингтон неприемлемые для него изменения в третьем мире (Вьетнам, Ангола, Мозамбик, Куба, Никарагуа и т.д.) приписывал проискам Москвы, отрицая внутренние причины радикальных перемен. В период современного украинского кризиса Вашингтон объяснял сопротивление Донбасса и Луганска политике Киева исключительно провокациями Москвы. Но и Москва игнорировала внутренние причины нежелательных для нее перемен, не хотела признать, что Грузия и Украина по своей воле отказались от союза с Россией и избрали США “империей по приглашению”.

Третий подход политико-публицистической исторической субкультуры – презентистский. Современное состояние российско-американских отношений “опрокидывается” в прошлое, и в результате все без исключения этапы прошлого предстают как непримиримая вражда между двумя странами. Приведу два примера использования ведущими публичными историками на центральных отечественных телеканалах названных подходов. В передаче, посвященной столетию Первой мировой войны, доктор исторических наук доказывала, что война была инспирирована США в целях уничтожения Великой православной монархии, т.е. России, и Вашингтон добился своей цели вкуче с Лениным и большевиками. Другой публичный историк, также дама, правда, кандидат исторических наук, во время празднования 70-летия высадки союзников СССР в Нормандии доказывала, что США осуществили высадку во Францию исключительно в целях опережения СССР в оккупации Германии, и что вообще целью США во Второй мировой войне было ослабление России, а не победа над Германией.

От академической американистики требуются профессионализм и приверженность научным принципам в освещении прошлого и настоящего Соединенных Штатов Америки. Ее представители стоят перед выбором: или, следуя принципам академической свободы, возникшей в постсоветский период, пытаться выяснять историческую истину, скрупулезно “взвешивая” и соотнося разные стороны американского опыта. Или, подчиняясь антиамериканскому пропагандистскому дискурсу, выстраивать одностороннее видение этого опыта. Хотелось бы, чтобы американисты, как и все историки, были верны профессиональному долгу.